

Денмухаметова Эльвира Николаевна, Юсупова Альфия Шавкетовна

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

В статье дается описание терминов родства татарского языка, которые рассмотрены на материале двуязычных словарей XIX века. Изложены основные принципы их развития, проанализирован структурный состав, выявлены тенденции применения в современном татарском языке и фиксации в лексикографии. Результаты исследования интересны как ценный источник для татарской исторической лексикологии и диалектологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/5/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 62-65. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 7811.512.14

Филологические науки

В статье дается описание терминов родства татарского языка, которые рассмотрены на материале двуязычных словарей XIX века. Изложены основные принципы их развития, проанализирован структурный состав, выявлены тенденции применения в современном татарском языке и фиксации в лексикографии. Результаты исследования интересны как ценный источник для татарской исторической лексикологии и диалектологии.

Ключевые слова и фразы: тематическая лексика; термины родства; лексика; лексикография; XIX век; двуязычие; историческая лексика; диалектология.

Эльвира Николаевна Денмухаметова, к. филол. н., доцент

Альфия Шавкетовна Юсупова, д. филол. н., профессор

Кафедра теории перевода и речевой коммуникации

Казанский (Приволжский) федеральный университет

elvir25@mail.ru; alyusupova@yandex.ru

ТЕРМИНЫ РОДСТВА В ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА[©]

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 12-14-16004 а.

Терминология родства относится к наиболее архаичным пластам лексики любого языка, так как эта лексико-семантическая группа, отражающая родственные отношения, бесспорно входит в основной словарный фонд каждого языка.

В тюркологии, в том числе и в татарском языкознании, лексический состав данной тематической группы является достаточно изученным. В научных трудах Л. А. Покровской, Р. Г. Мухамедовой, С. Н. Бурнашевой, Н. И. Егорова, Д. Б. Рамазановой, Х. Г. Юсупова, А. Кулиева, Р. Х. Керейтова, Г. Г. Джафарова изучаются и вводятся в научный оборот как термины родства татарского, башкирского, туркменского, ногайского, азербайджанского языков, так и общая терминология для всех тюркских языков [21, с. 267].

Особо важной для данного исследования является монография Д. Б. Рамазановой «Термины родства и свойства в татарском языке» [13], в которой впервые предпринята попытка исследовать наиболее полную систему терминов родства татарского языка как в синхронном, так и в диахронном плане. Автор анализирует большой фактический материал, рассматривает некоторые теоретические вопросы возникновения и функционирования этих терминов по крови и браку.

В данной статье рассматриваются термины родства, зафиксированные в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века. Объектом исследования являются 12 словарей, ценные и достоверные источники лексики татарского языка данного периода. В них зафиксирован основной фонд, фундамент татарской лексики, живой татарский язык. В накопленном материале, наряду с активной лексикой, выделяются диалектная лексика, устаревшие, архаичные лексические единицы, уже забытые слова. Исследование данных словарей даёт возможность проследить развитие словарного фонда татарского языка, чётко представить лексическую базу изучаемого периода, установить неизменённый, устойчивый, исконно тюркский пласт лексики, определить роль и место в татарском языке заимствованных слов.

Слова, относящиеся к тематической группе «Термины родства», представлены во всех татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века и во многих случаях однотипны, например: **اتا** ата – отец [3, с. 183; 5, с. 31; 6, с. 351; 10, с. 11; 11, с. 51; 12, с. 24; 20, с. 5], **ана** ана – мать [3, с. 125, 126; 6, с. 474; 9, с. 78; 10, с. 10; 11, с. 49; 12, с. 16; 18, с. 72; 20, с. 5], **ата-ана** ата-ана – родители [20, с. 5], **ага** ага – дядя [5, с. 31; 6, с. 148; 10, с. 12; 11, с. 2; 12, с. 3], **эби** эби – бабушка [3, с. 3; 7, с. 5; 8, с. 5; 11, с. 45; 12, с. 1; 18, с. 7; 20, с. 15], **уки ана** уки ана – мачеха [6, с. 275; 10, с. 22; 18, с. 123; 20, с. 111], **уки ата** уки ата – отчим [10, с. 22; 18, с. 123; 20, с. 111], **кыз** кыз – дочь [4, с. 39; 7, с. 5; 10, с. 32; 11, с. 101; 12, с. 33], **угыль** угыль – сын [18, с. 123], **баба** баба – дед [4, с. 46; 5, с. 31; 10, с. 22; 11, с. 28; 18, с. 174; 20, с. 30], **бабай** бабай – дед [4, с. 60; 7, с. 5; 11, с. 55; 12, с. 31], **карындаш** карындаш – родственник [4, с. 28; 5, с. 31; 8, с. 76; 10, с. 76; 11, с. 111], **абзи** абзи – старший брат [18, с. 6], **туга** туга – старшая сестра [10, с. 76], **бала** бала – дитя [8, с. 23; 10, с. 29; 11, с. 55; 12, с. 33; 18, с. 174], **улын улы** улын улы – внук [7, с. 6], **улын кызы** улын кызы – внучка [Там же], **бабай агасы** бабай агасы – прадед [Там же], **ага** ага – дядя [3, с. 13; 5, с. 31; 8, с. 14], **аба** аба – тетка [5, с. 31; 6, с. 536], дети – **бала-чага** [3, с. 61], **бер туган эне** бер туган эне – младший брат [7, с. 6], **бер тыуган тутей** бер тыуган тутей – старшая сестра [Там же], **бер тыуган сенел** бер тыуган сенел – младшая сестра [Там же] и т.д.

Как видим, лексика этой группы в целом совпадает во всех словарях и без особого изменения сохранилась в современном татарском языке. Однако некоторые лексические единицы претерпели фонетические изменения. Например, слово **уыл** уыл – сын [3, с. 344; 12, с. 216] в словарях зафиксировано в более древнем варианте. Термин **ул** – общетюркский, восходит к древнетюркскому, употребляется в татароязычных памятниках различных жанров. Употребление варианта **уыл** в качестве книжной литературной формы продолжалось до начала XX века. С пометкой *книж. устаревш.* оно представлено и в

современных словарях татарского языка, т.е. в письменном литературном языке прослеживается консервативность древней формы, тогда как употребление в устном языке редуцированного варианта идёт, видимо, также издавна: уже в «Кодексе Куманикус» сосуществовали варианты [13, с. 66].

В словаре Л. Будагова зафиксировано слово **углан** как военный термин. В словарной статье указано, что «дж. اوغلان – класс людей из узбеков, у которых родство доходит до султанов; только после собственных имен اوغلان означает царевича или принца крови (هيرزا). В иерархии военных должностей это слово без собственного имени отвечает главнокомандующему правым или левым крылом армии. Отсюда и название конных угланов» [2, с. 141]. В современном татарском языке лексема **углан** в этом значении не встречается. Слово же **олан** является диалектизмом и очень активно употребляется в дрожжановском говоре мишарского диалекта в значении «ребенок». Это слово в виде **олан** – дитя [11, с. 105; 12, с. 156] зафиксировано в словаре Н. Остроумова. В диалектах и говорах оно представлено вариантами олан/огълан, которые дают значение «молодой парень, юноша». Это слово чаще встречается в мишарском диалекте и мензелинском говоре [17, б. 326], где отличается многозначностью. В наше время с помощью этой лексемы иногда, в знак уважения, обращаются к взрослым и пожилым людям [15, б. 466]. Оглан > огул – титул представителей рода Чингизхана, не заседавших на ханском престоле. В тюркских языках существуют следующие варианты данного слова: азерб. *оглан*, туркм. *олган*, в турецком языке данная лексическая единица означает слугу, в гагауз. *оглан*, казах. *улан*, алт. *удлан*, татар. *олан* (маленький ребёнок).

Большого внимания заслуживают диалектные термины родства, зафиксированные в двуязычных словарях. К ним относятся следующие лексические единицы: *طوتا* **тута** – тетка [10, с. 45], **тутай** – сестрица [11, с. 125], **тыума** – потомок [Там же, с. 126], **олань** – сын, дитя [Там же, с. 105], **апта** – сестра [4, с. 53], **тугуруць** – родитель [Там же, с. 51] и др. Большинство из них употребляется в говорах крещеных татар. Сингармонический параллельный вариант лексемы **апта** *эптэ, эптэй* в значении «старшая сестра», «тётя» является специфической языковой единицей дрожжановского говора мишарского диалекта.

Слово *طوتا* **тута** [3, с. 126; 12, с. 16] в значении «старшая сестра», зафиксированное во всех словарях, в современном татарском литературном языке не употребляется, является диалектизмом. Оно употребляется в заказанском, нагорном, мензелинском, кузнецком, хвалынском говорах татарского языка в значении «старшая сестра» [17, б. 429]. Это слово зафиксировано в татароязычных документах пугачёвского восстания [19, с. 259].

Слово **дядяй** представлено в значении «дядя» [11, с. 62; 12, с. 53]. Данная лексическая единица не употребляется в современном литературном языке, но активно используется в разговорной речи [14, б. 318]. В говорах нагорных крещёных татар существует форма *дад'у/дядяу*, в кузнецком, сергачском, темниковском, мамадышском говорах встречаются варианты *дэди/дэдэй* [17, б. 131].

Тютей (сестра) – в словаре употреблено в значении «старшая сестра» [11, с. 125; 12, с. 206]. Данная лексическая единица сохранилась лишь в диалектах. В нагорном говоре крещёных татар употребляются варианты *т'ит'у/тейтау* (тути) [17, б. 450].

Тыума (потомок) представлено в значении рода [11, с. 126; 12, с. 208]. На сегодняшний день данная лексическая единица употребляется лишь в отдельных говорах татарского языка. Например, в хвалынском говоре сохранился вариант *тума* [17, б. 425], что означает род, потомство человека, выросшего или родом из определённой местности [16, б. 163].

Особый интерес представляет подгруппа, включающая термины родства по браку. Например: **ирь** – муж [7, с. 5; 8, с. 20; 11, с. 97; 18, с. 20; 20, с. 98], *خاتون* **хатунь** – жена [7, с. 5; 12, с. 113], *قودا* **куда** – свать [3, с. 290; 4, с. 32; 7, с. 7; 12, с. 123], *قوداچا* **кудача** – сватья [3, с. 290; 7, с. 7; 11, с. 123], *كيلون* **килюнь** – невеста [4, с. 32; 6, с. 312], *بالدز* **балдузь** – своячина, золовка [7, с. 6; 11, с. 34; 12, с. 56; 20, с. 26], *باجا* **баджа** – свояк [3, с. 292; 4, с. 21; 5, с. 32; 7, с. 6; 11, с. 32; 12, с. 55; 18, с. 178], *كيو* **кяю** – зять, жених [3, с. 86; 4, с. 32; 6, с. 155; 7, с. 6; 9, с. 44; 10, с. 56; 11, с. 88; 12, с. 117; 20, с. 82], *كيلون* **килунь** – сноха, **жингя, жингяй** – невестка, сноха [3, с. 305; 4, с. 32; 7, с. 6; 11, с. 72; 12, с. 76; 20, с. 57], **ак бийем** – золовка [3, с. 85], **быята** – свёкр [11, с. 53], **исня** – зять большой (т.е. муж старшей сестры) [4, с. 32], **би анай** – свекровь [18, с. 249], **йенгэ кадынъ** – женщина, которая ведёт новобрачную в дом мужа [2, с. 369], **бияч** – сговоренная девушка [Там же, с. 303] и т.д.

Многие слова этой группы состоят из двух частей, первым компонентом которых является слово **каен**. Например: **кайыйн** – слово, прилагаемое к именам родства для означения родственников по жене [11, с. 87], *قاييناتا* **кайната** – тесть, свёкр [9, с. 180], **кайнъ сенель** – золовка [20, с. 84], **каен бигя** – большая своячина (т.е. старшая свояченица) [4, с. 32], *قايينيш* **кайнишь** – сватовство, *قاييناغا* **кайнигя** – деверь [Там же], *قايينگاچ* **кайнигачъ** – золовка, *قاييناتا* **кайната** – тесть, свёкр [3, с. 60; 9, с. 180], *قايинانا* **кайнана** – тёща, свекровь [3, с. 328; 5, с. 32; 9, с. 180; 11, с. 16], *قايинي* **кайини** – шуринь [7, с. 7], *قايينگاچ* **кайнигачъ** – своячина [3, с. 292; 12, с. 105], *قايين* **кайн** – родственник, родня со стороны жены по отношению к мужу [отдельно не употребляется], *قايинانا* **кайнана** – тёща, *قاييناغا* **кайнага** – старший шуринь, *قاييني* **кайнэне** – младший шуринь, *قايينطوطاي* **кайнтутуй** – старшая невестка [2, с. 34] и т.д.

Слово «каен» – обобщающий термин родства по браку и в татарском, и в большинстве тюркских языков. Известно, что термин **кайын** «без конкретизирующих его значение слов передаёт в тюркских языках лишь идею родства по мужу и жене» [13, с. 102].

Компонент **игэч**, который входит в составе слова **кайнигачъ**, является диалектной лексемой, которая активно употребляется в говорах мишарского диалекта в значении «старшая сестра» [17, б. 142]. Но некоторые

лексические единицы встречаются в диалектах и сегодня. Например, второй корень слов *кайнигэч*, *кайнутый* употребляется в разных говорах татарского языка даже в разговорной речи. Слово *игэч* в говорах мишарского диалекта активно в значении «старшая сестра» [Там же]; слова *тугый*, *түти* в говорах закамских кряшен и гайском говоре используются в значении «апа», «абыстай» [Там же, б. 429, 450].

Слово *бикэч* – супруга [20, с. 57] в дрожжановском говоре употребляется в значении «молодая девушка» [17, б. 54]. В словаре М. Юнусова оно представлено в составе словосочетания *бикэч түшэге* [20, с. 57].

В говорах для передачи понятия «свёкор», кроме литературного *кайната*, в обиходе имеется ещё несколько терминов. На территории распространения татарских говоров выделяется сплошной ареал, где в значении «свёкор» употребляется другой термин – *бийата*, восходящий к сочетанию слов *бий* (*beg* – правитель, вождь, бек, господин, муж, супруг + *ата*). Разные фонетические варианты зафиксированы в двуязычных словарях XIX века: *би атай* – свекровь [18, с. 249], *быята* – свекрь [3, с. 290; 7, с. 6; 12, с. 53]. По такому же способу образованы такие термины родства как *бенем* – свекровь, *биагай* – шури́н, *бианай* – свекровь.

Семантика термина *бийем* в татарских говорах также имеет отличительные нюансы. Так, в говоре нагайбакских кряшен слово *бийем* употребляется в сочетании с определением *ак* и образует другой описательный термин *ак бийем* – старшая сестра мужа. Такая же лексема в таком же значении зафиксирована в словаре А. Воскресенского: *ак бием* – золовка [3, с. 85]. Видимо, слово *бийем* являлось когда-то общей формой обращения ко всем старшим родственницам мужа [13, с. 106].

В терминологии, выражающей родство по браку, узколокальных терминов гораздо больше, чем в терминологии кровного родства. Например, *юрцу кайнага* – меньшей шури́нь [4, с. 32] является лексической особенностью говора сибирских татар. Р. Г. Ахметьянов считает, что «слово *йорчы* с самого начала было военным термином, а значение термина родственных отношений оно приобрело вторично» [1, с. 83].

Печкэ – свекровь [11, с. 61; 12, с. 108] – лексическая единица, которая часто встречается в словарях XIX века. В современном литературном языке это слово отсутствует, оно сохранилось лишь в определённых говорах. Например, в говоре крещеных татар активно употребляется слово *печкэ*, которое также означает «свекровь». Крещеные татары Нагорья словом *печкэ* обращаются к свекрови, а *печкэчэ* служит у них обращением к младшей сестре мужа [17, б. 92].

На основе анализа терминов родства, зафиксированных в татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века, можно сделать следующие выводы: большинство терминов сохранилось в современном татарском языке, и они относятся к общетюркскому словарному фонду. Важнейшие термины кровного родства и родства по браку проявили большую устойчивость. Они отражены почти во всех исследованных словарях и входят в состав активной лексики письменного и устного татарского языка.

Список литературы

1. Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.
2. Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. СПб.: Тип. АН, 1869. Т. 1. 810 с.
3. Воскресенский А. А. Русско-татарский словарь с предисловием о произношении и этимологических изменениях татарских слов А. Воскресенского. Казань: Типо-литография ун-та, 1894. 374 с.
4. Габдельгазиз улы Шигабутдин. Перевод съ татарскаго на русский языкъ или словарь. Казань: Ун-ая типо-литогр., 1893. 72 с.
5. Гиганов И. И. Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими муллами свидетельствованные. СПб.: Имп. АН, 1801. 75 с.
6. Гиганов И. И. Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка И. Гигановым и муллами юртовскими. СПб.: Имп. АН, 1804. 627 с.
7. Краткий татарско-русский словарь с прибавлением некоторых славянских слов с татарским переводом. Казань: Тип. М. Г. Гладышевой и др., 1880. 55 с.
8. Кукляшев С. Б. Словарь къ татарской хрестоматии. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1859. 106 с.
9. Насыри К. Г. Полный русско-татарский словарь с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины. Казань: Изд-во книгопродавца Фатхуллы Амашова, 1892. 263 с.
10. Насыри К. Г. Татарско-русский словарь. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1878. 120 с.
11. Остроумов Н. П. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1876. 145 с.
12. Остроумов Н. П. Татарско-русский словарь. Казань: Правосл. миссионер-ое общ-во, 1892. 246 с.
13. Рамазанова Д. Б. Термины родства и свойства в татарском языке. Казань: Татарское кн. изд-во, 1991. 190 с.
14. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: Өч томда. Казан: Тат. кит. нәшр., 1977. Т. 1. 476 б.
15. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: Өч томда. Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. Т. 2. 726 б.
16. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: Өч томда. Казан: Тат. кит. нәшр., 1981. Т. 3. 684 б.
17. Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан: Тат. кит. нәшр., 1969. 643 б.
18. Троянский А. А. Словарь татарского языка и некоторых употребительных въ немъ реченій арабскихъ и персидскихъ, собранный трудами и тщаниёмъ учителя татарского языка въ Казанской семинарии священника Александра Троянского и напечатанный съ дозволения комиссії духовныхъ училищъ. Казань: Тип. ун-та, 1833. Т. 1. 629 с.
19. Хисамова Ф. М. Русско-татарские словари XVIII-XIX вв. как источник по исторической диалектологии татарского языка // Сопровождение по вопросам диалектологии и истории языка. М.: Русский язык, 1979.
20. Юнусов М. Х. Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений. Казань: Тип. Торгового дома Бр. Касимовых, 1900. 115 с.
21. Юсупова А. Ш. Двуязычная лексикография татарского языка XIX века. Казань: Изд-во Казанск. гос. ун-та, 2008. 410 с.

KINSHIP TERMS IN BILINGUAL DICTIONARIES OF TATAR LANGUAGE

El'vira Nikolaevna Denmukhametova, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Al'fiya Shavketovna Yusupova, Doctor in Philology, Professor
Department of Translation Theory and Speech Communication
Kazan' (Volga Region) Federal University
elvir25@mail.ru; alyusupova@yandex.ru

The authors describe kinship terms in the Tatar language; consider them by the material of the bilingual dictionaries of the XIXth century, state the basic principles of their development, analyze the structural composition, reveal the tendencies in the use in the modern Tatar language and fixation in lexicography, and conclude that the results of the study are interesting as a valuable source for the Tatar historical lexicology and dialectology.

Key words and phrases: thematic vocabulary; kinship terms; vocabulary; lexicography; the XIXth century; bilingualism; historic vocabulary; dialectology.

УДК 81'255.2/821.221.18

Филологические науки

В данной статье рассмотрена проблема интерлингвальности авторского перевода в осетинской литературе, прослеживается адекватная передача в авторском переводе национально-культурной специфики и прагматики исходных текстов. На основе сравнительно-сопоставительного анализа разноязычных текстов автор статьи приходит к выводу о том, что адекватность авторского перевода зависит не только от знания переводчиком двух языков, культур, но и от его умения переключиться от одной языковой системы к другой, от творческого подхода к переводу.

Ключевые слова и фразы: авторский перевод; интерлингвальность; эквивалентность; адекватность; билингвизм; фразеологическая единица; паремия; аналог.

Елизавета Борисовна Дзапарова, к. филол. н.

Отдел фольклора и литературы

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
Владикавказский научный центр Российской академии наук и Правительства РСО – Алания
l-dzaparova@mail.ru

**АВТОПЕРЕВОД КАК ВИД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА
В ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ[©]**

Одной из форм художественного билингвизма в литературе является авторский перевод. В отличие от писателей, пишущих и создающих равноценные произведения на двух языках, самопереводчики стремятся на основе написанного им произведения создать «новое», но уже в другой культурной среде.

Автоперевод для переводчика представляет особую трудность, т.к. «разрушает в сознании двуязычного человека надежные перегородки между языками, оберегающие психику пишущего... мешает двуязычному человеку переводить, поскольку нарушается языковое равновесие» [6, с. 238].

Концепция авторского перевода, в отличие от неавторского, заключается в том, что автор в своей переводческой деятельности не скован «никакими чисто переводческими предпосылками, он волен переосмыслить и переделывать текст в любом отношении и в любой степени, менять композицию, образы и средства выражения» [2, с. 174]. Не удивительно, что многие практики самоперевода получали в результате новое произведение. С другой стороны, переводчик-билингв видит все тонкости оригинала, прекрасно «чувствует» язык, что позволяет ему создать безупречный аналог, достаточно равноценный подлиннику.

Можно назвать несколько причин, по которым писатель прибегает к переводу собственных произведений. Во-первых, писатель не всегда удовлетворен качеством переводов своих произведений другими переводчиками. Во-вторых, автор оригинального текста стремится внести новую, дополнительную информацию в текст перевода. Однако не всегда эти дополнения уместны. Иногда они настолько изменяют текст, что узнать в нем подлинник невозможно. Известный осетинский писатель и критик, теоретик и практик художественного перевода Т. Бесаев вовсе исключал саму возможность самопереводов: «Когда автор переводит, он неизбежно пишет заново, заново переживает ситуацию и судьбы героев, заново входит в то творческое настроение, в ту, если угодно, психологическую ситуацию, как и при создании оригинального произведения. Но можно ли точно воспроизвести эту ситуацию? Можно ли дважды войти в одну и ту же реку? Не уверен» [1, д. 28, л. 21]. Конечно, можно согласиться с точкой зрения Т. Бесаева. Автор произведения, создавая его «копию» на другом языке, должен еще раз переосмыслить идею, образы героев, пережить с ними определенные события и передать те эмоции, которые уже однажды переживал.